

ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СУДЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: НОВЫЙ ВИТОК ИЛИ ЗАКАТ ИНТЕГРАЦИИ?

Бабкина Е. В., Белорусский государственный университет

Принято считать, что Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), который начнет функционировать с 1 января 2014 г., представляет собой новый уровень региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве, четвертый этап интеграционных процессов. Начало нового этапа в развитии интеграционных процессов подразумевает поступательное укрепление сотрудничества государств, введение единообразного регулирования, направленного на реализацию целей интеграционного объединения, и, что по сути и формирует интеграционное образование, наделение органов такой организации наднациональными полномочиями, т. е. наднационализм, передача им государствами-членами суверенных функций по управлению экономическими отношениями не только государств-членов, но и межхозяйственных связей физических и юридических лиц, имеющих гражданство этих государств-членов или действующих на их территории. Делегирование государствами своих суверенных функций органам международной организации с наднациональными полномочиями ставит прямой вопрос относительно механизма защиты лиц, права и интересы которых нарушаются актами, действиями и бездействием таких органов. Идея наднациональности исключает национальный судебный механизм, соблюдение баланса интересов международной организации наднационального типа и лиц государств-членов является согласно принципу разделения властей задачей международного суда.

Наиболее успешное региональное интеграционное объединение настоящего времени — Европейский союз — демонстрирует яркий пример поступательного расширения компетенции и, как следствие структуры Суда ЕС. Кроме компетенции урегулирования межгосударственных споров Суд ЕС наделен широкими полномочиями по рассмотрению дел с участием физических и юридических лиц.

Суд ЕАЭС наделен Статутом Суда ЕАЭС (приложение № 3 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.) компетенцией, отличной от компетенции Суда ЕврАзЭС, предусмотренной Статутом Суда от 2010 г. и Суда ЕС. Можно ли говорить о поступательном расширении компетенции суда интеграционного объединения по делам с участием частных субъектов?

Во-первых, не произошло ожидавшегося расширения предметной и субъектной юрисдикции Суда, а именно круга лиц, наделенных правом обращения в Суд с заявлениями об оспаривании, а также круга оспариваемых актов. Юрисдикция Суда в отношении лиц распространяется на хозяйствующих субъектов — юридических лиц, зарегистрированных в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства — и только

на решения и действия/бездействие Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), таким образом, акты Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета обжалованию не подлежат. Однако, с одной стороны, не исключена возможность нарушения актом Комиссии прав и законных интересов физических лиц, положим, в сфере осуществления инвестиций, миграционной политики, налогообложения и иных. Несмотря на довольно ограниченный круг сфер, в отношении которых Договором о ЕАЭС предусмотрена единая политика — таможенное регулирование, внешнеторговая политика, конкуренция и антидемпинг — не исключено скорое расширение таких сфер согласно компетенции ЕЭК. С другой стороны, невозможность обжалования лицами любого нормативного правового акта, принятого в рамках интеграционного объединения, целями которого позиционируется «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения и стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза», противоречит принципу законности и права на защиту. Справедливости ради следует отметить дополнение компетенции Суда ЕАЭС по сравнению с компетенцией Суда ЕврАзЭС рассмотрением дел по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза о разъяснении норм права Союза, связанных с трудовыми правоотношениями, однако в данном случае речь идет о разъяснении, а не урегулировании спора. Кроме того, эффект названной нормы снижается закреплением права государств-членов на совместное толкование ими международных договоров вне зависимости от принятого Судом консультативного заключения, имеющего рекомендательный характер (п. 47 Приложения № 3 к Договору о ЕАЭС).

Во-вторых, претерпел не в лучшую сторону изменения момент признания акта Комиссии не соответствующим Договору: действие решения Комиссии продолжается после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения Суда (п. 111 Договора о ЕАЭС), что в корне противоречит правовым последствиям признания акта недействительным в теории права.

В-третьих, большие сомнения вызывает юридическая сила заключений специализированных групп, которые по определенным вопросам (применение компенсирующих мер) имеют обязательную силу для Суда при том, что заключение по вопросу наличия нарушения имеет рекомендательный характер.

В-четвертых, снижение интеграционного эффекта безусловно влечет отсутствие преюдициальной юрисдикции Суда ЕАЭС, в то время как компетенция Суда ЕврАзЭС критиковалась за то, что обязанность направления преюдициального запроса устанавливалась только для высшего органа судебной власти при вынесении решения, которое обжалованию не подлежит. Отсутствие преюдициальной компетенции снижает уровень единообразия судебной практики государств-членов в части применения права Союза.

Таким образом, регулирование защиты прав и законных интересов частных лиц в ЕАЭС не только не вышло на прогнозируемый качественно новый уровень, но наоборот демонстрирует шаг назад по сравнению с правом ЕврАзЭС

(Таможенный союз и ЕЭП), что в совокупности со спецификой институциональной структуры ЕАЭС говорит об особом направлении интеграции, не укладывающемся в сложившиеся парадигмы.

УНИФИКАЦИЯ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Басалыга И. С., Белорусский государственный университет

На региональном уровне особый интерес представляет унификация коллизионного регулирования брачного договора в рамках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) и Европейского Союза (далее — ЕС). На сегодняшний день на уровне СНГ действуют две Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и 2002 г., которые содержат положения о праве, применимом к брачно-семейным отношениям, осложненным иностранным элементом. Однако институт брачного договора в данных региональных соглашениях отсутствует, а, следовательно, отсутствует и его специальное коллизионное регулирование. В национальном законодательстве большинства государств-участников СНГ (за исключением Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Узбекистан) закреплены коллизионные нормы о брачном договоре (ч. 2 ст. 151 Семейного кодекса (далее — СК) Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 146 СК Республики Армения, ч. 2 ст. 168 СК Кыргызской Республики, ч. 3 ст. 157 СК Республики Молдова, ч. 2 ст. 161 СК Российской Федерации, ч. 2 ст. 172 СК Республики Таджикистан, ч. 2 ст. 200 СК Туркменистана, ст. 59 Закона Украины «О международном частном праве»). Очевидно, что коллизионное регулирование брачно-семейных отношений в рамках СНГ нуждается в пересмотре и разработке новых коллизионных норм, учитывающих современные тенденции и законодательный опыт других региональных объединений (в частности, ЕС).

В рамках ЕС в 2011 г. Европейским экономическим и социальным комитетом был одобрен проект Регламента «О юрисдикции, применимом праве, признании и приведении в исполнение решений по делам о режиме имущества супругов» (в настоящее время рассматривается в Европейском парламенте и Совете; далее — Проект). Проект основан на принципе универсальности (ст. 21).

Исходя из статьи 2 Проекта под брачным договором понимается любое соглашение, посредством которого супруги регламентируют лишь имущественные правоотношения между собой и с третьими лицами. Проект допускает ограниченную автономию воли сторон при выборе применимого права к брачному договору (ст. 16). Так, супруги (лица, вступающие в брак) могут избрать: право государства их обычного совместного места жительства; право государства обычного места жительства одного из супругов на момент осуществления выбора применимого права; право государства, гражданином которого является один из них на момент выбора применимого права. В любое время в течение брака супруги могут изменить ранее избранное право (ст. 18 Проекта). Однако